

КРАСНЫЕ ГВОЗДИКИ БОРИСУ ЩУКИНУ

К 75-летию со дня рождения Б. В. Щукина

КАЖДЫЙ год осенью новым ученикам Театрального училища имени народного артиста СССР Бориса Васильевича Щукина при Театре имени Евг. Вахтангова старшие товарищи дарят гвоздики. Это своеобразный обряд посвящения в вахтанговский «орден»...

Умирают наши соратники по искусству, ученики Евгения Багратионовича Вахтангова, — мы провожаем их в последний путь с красными гвоздиками.

И на наших праздниках эти цветы — спутники торжеств. В эти минуты, когда я вспоминаю о моем друге, замечательном, красивом, беспокойном человеке и великом артисте Борисе Щукине, — передо мной стоят красные гвоздики. Их принесли одни из бывших учеников-щукинцев, ныне — театральный журналист.

В этом — ни тени сентиментальности: вспомните, что красные гвоздики были любимыми цветами первых революционеров ленинской гвардии. Символично, что в театре, на сцене которого впервые был воплощен образ Владимира Ильича, стали «своими» именно эти цветы.

И вот еще почему мне захотелось свой рассказ о Борисе Щукине начать с образа красной гвоздики: в нем, в этом образе, словно собрана суть щукинского характера — такого же совершенного по внутренней своей красоте, художественно яркого и вместе с тем скромного, неброского, чуждого «красивости», эффектности...

Есть люди, которые не умирают в общепринятом понимании этого горького акта человеческой биографии. Не умирают потому, что их частица словно переселяется в других, остающихся жить на земле. Так не умер в нас Борис Щукин...

Пятьдесят лет назад мы вместе с ним, в один полчас, были приняты в студию Евгения Вахтангова. На всю жизнь такие полчасы!

Был ли это дополнительный набор в студию или что-то другое, я не могу сейчас сказать, но вышло так, что экзаменовались только двое — Щукин и я. Он читал случайное, не бог весть какого качества произведение, почти анекдот, но делал это с таким талантливым юмором, что все присутствующие хохотали до слез.

Может быть, особое чувство солидарности на том первом прослушивании в студии положило начало нашей с Борисом дружбе. К нему все относились тепло — он был чудесным товарищем, и я особенно дорожила его вниманием и доверием к моему мнению.

Случилось так, что я оказалась единственной из всех вахтанговцев, кто видел и слышал живого Владимира Ильича Ленина. И это незабываемо. Об этом стоит рассказать подробнее.

До поступления в студию Вахтангова я успела закончить юридический факультет. Диплом юриста был получен, когда мне было всего двадцать лет. Одним из старших товарищей моей студенческой поры был заместитель председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянский. Мы с ним дружили, и однажды он взял меня с собой в Большой театр, где должен был выступать Владимир Ильич Ленин. Как к празднику, готовилась я к этой встрече... Я шла со Склянским к Большому театру и трепетала от сознания, что через несколько минут в моей жизни должно произойти нечто необычное, значительное...

Мы прошли на сцену, и очень близко, в нескольких шагах от себя, я увидела Владимира Ильича. Он выступал. У меня создалось впечатление, что он спорил с кем-то, сидящим далеко, в ложе бенуара. Спорил так обаятельно, по-доброму, но так непримиримо, что я, не всегда проследившая ход его мысли, была заворожена этим удивительным открытием: оказывается, можно быть и добрым, и непримиримым! Я восприняла Ленина почти по-детски, вне проблем, которые он с такой страстностью решал в своей речи. Я поняла лишь, что он всей душой, всем существом своим боролся за кого-то из отступивших от большевистской линии и теперь эсерствующего, боролся с самим же этим человеком. И ожидание праздника для меня превратилось в праздник... До сих пор не могу рассказывать спокойно об этом дне.

Борис Васильевич Щукин, как известно, никогда не видел живого Ленина и собирал сведения о нем с необычайным трудолюбием. Это был художник, который при своем огромном таланте обладал поистине гигантской трудоспособностью. В каждой новой роли он шел по линии наибольшего сопоставления. Щукин был не только серьезен, он был — не нахожу другого слова — непримирим к себе, актеру и человеку.

...В ту памятную осень Борис попросил меня поехать в Плесково. К тому времени он уже был целиком погружен в работу над образом Владимира Ильича, и я успела ему рассказать о своих впечатлениях от незабываемой встречи в Большом театре.

И там, в Плескове, Щукин сказал мне: — Цилия, повтори еще разок свои впечатления, только как можно подробнее, и оставь меня одного, а сама погуляй. Возвращайся не раньше, чем через час. Я попробую поискать...

Я не смогла выдержать часа и потихоньку, перебегая от дерева к дереву, стараясь не помешать этому удивительному искателю, вернулась на ал-

лею. Взглянула на него и перестала дышать: он шел с таким точно угаданным, ленинским, целеустремленным «посылом», что ко мне вдруг вернулось то чувство завороженности, которое я испытала, впервые увидев самого Владимира Ильича... А потом остановился, потяжелел, стал вновь Борисом Щукиным. И показался мне очень усталым... Я вышла из своего укрытия и, не сумев победить слез, расцеловала его.

Да, мне посчастливилось видеть первые наброски великого портрета, гениальный этюд большого художника. Но это был не единственный эпизод, связанный с работой Бориса Щукина над ролью В. И. Ленина, свидетелем и участником которого мне довелось стать.

Каждому актеру на первых спектаклях нужен доброжелательный и одновременно до конца честный глаз друга. Борис просил меня прийти на генеральную репетицию спектакля «Человек с ружьем» и высказать «с большевистской прямоотой» все, что я думаю об его исполнении роли Ленина.

В тот день волновался, жил этим событием весь театр. Вахтанговцы всей душой разделяли со Щукиным чувство величайшей ответственности за первооткрытие образа Владимира Ильича на сцене.

Когда он вышел в знаменитом эпизоде с солдатом Иваном Шадриным (великолепным партнером Щукина был ныне народный артист СССР Иосиф Толчанов), я не могла поверить, что перед нами — Борис. Знала его выдающиеся способности к перевоплощению и — не могла поверить. Впечатление оказалось настолько сильным, что я забыла о своем обещании зайти к нему в антракте. Об этом мне напомнила дежурная «мужской половины» театра Лина:

— Цецилия Львовна, а он там волнуется: что же не идут?

Я пошла к Щукину. В полуоткрытую дверь я увидела

Б. В. ЩУКИН в роли Егора Булычова, «Егор Булычов и другие» А. М. Горького. 1932.

его в гриме Ленина и не сразу решилась войти. А он оглянулся стремительным ленинским движением, увидел мое мокрое, взволнованное лицо, все понял и шутливо заметил:

— Ну, все понятно, дурочка!..

Позже он просил меня посмотреть несколько спектаклей: очень боялся утратить с таким трудом найденное в образе. Я смотрела спектакль «Человек с ружьем» девять раз подряд, и все девять раз происходило нечто необычное: зал вставал, аплодируя, а вместе с аплодисментами звучал дружный аккорд — стук поднимающихся сидений на зрительских креслах. Этот звук был свидетельством единого порыва людей и вместе с овациями производил большое впечатление.

Один раз мне стало страшно за Щукина — так он нервничал. Мы все знали, что у Бориса большое сердце, и в театре его старались оберегать от всяких потрясений. В тот вечер уберечь, оградить его

никто не смог бы: в ложе сидела Надежда Константиновна Крупская.

— Прощу тебя, — сказал мне Борис, — возьми бинокль и смотри все время на нее, а не на меня.

Я, как могла, пыталась его успокоить:

— Пойми и ее тоже, Боря...

— Я понимаю... Понимаю, потому и волнуюсь...

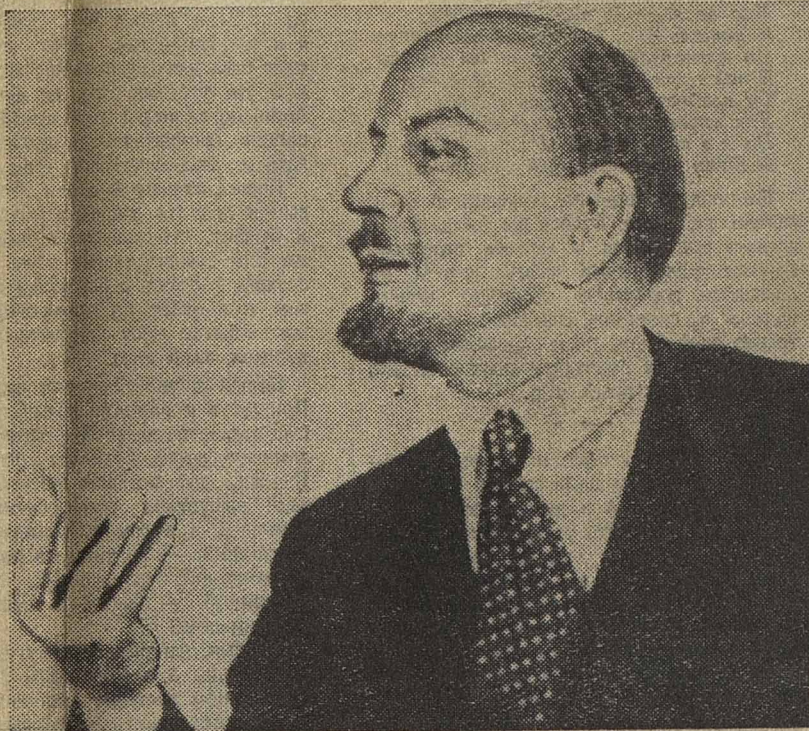
К счастью, Надежда Константиновна признала право Щукина на исполнительные роли В. И. Ленина и, как известно, даже в своем письме об исполнении этой роли двумя актерами, Борисом Щукиным и Максимом Штраухом, стремилась помочь им советами.

Я убеждена, что только культура, ум, эрудиция, высокая интеллигентность и, главное, социальная ответственность дают актеру право для воплощения образа Ленина на сцене или в кино.

Помню, что Борис, увидев в этой роли Штрауха, искренне радовался успеху товарища. Он справедливо ощущал единство, но не соперничество. Он понимал, что образ Ленина неисчерпаем и одному лишь исполнителю не под силу создать его с достаточной полнотой.

Он трепетно относился к своей Лениниане и, как всякий актер, не чуждаясь знаков успеха в других ролях, избегал этих знаков, когда дело касалось исполнения роли Владимира Ильича.

Помню, как двумя семьями, щукинской и нашей, мы отправились смотреть фильм «Ленин в Октябре» в кинотеатр «Художественный», что на Арбатской площади. Борис все время прятался за меня,

Б. В. ЩУКИН в роли ЛЕНИНА. «Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина. 1937.

стараясь остаться незамеченным. И шептал о себе в третьем лице:

— Смотри, как он здесь неточно сыграл!..

— Хорошо же, Боря!..

— Нет-нет, неточно... А тут вот — ничего! Видишь: ничего!..

Это — про эпизоды с Василием — Н. Охлопковым. И радовался удачным сценам, как ребенок.

После просмотра его заметили. Зрители устроили ему овацию.

Он растерялся необычайно:

— Спрячьте меня. Это неудобно... Что же это они так!..

Мы насилью убедили его встать и поклониться.

Скромность Щукина — это тема для отдельного разговора.

В жизни он настолько не был приспособлен для публичных выступлений, что, заведя труппой театра, писал свои обращения на бумаге и вывешивал их за кулисами.

Тем более поразительно было слышать блистательного оратора Щукина в образе В. И. Ленина!..

Жаль, что размеры этого очерка не позволяют мне рассказать о нашей работе над горьковским Егором Булычовым. Я играла в этом спектакле Шурку, дочь Булычова — роль, далекую, казалось бы, от моих актерских данных. Но мудрая режиссура Бориса Захары и счастье быть партнером Щукина совершили чудо: удалось убедить моей Шуркой даже самого Алексея Максимовича.

Горький принимал трогательное участие в нашей работе над спектаклем, а Щукин играл, Булычова гениально. Наблюдать за ними — за таким редким дуэтом двух больших художников — было неописуемо увлекательно.

...На моем столе — красные гвоздики. Цветы революции. Любимые цветы замечательного артиста Бориса Щукина... А принес мне их молодой человек: знал, что это лучший подарок. Значит, в поколениях не остывает память о традициях, столь нам дорогих...

И мне кажется, что вот сейчас постучатся в дверь моей квартиры, как сорок с лишним лет назад, и я спрошу:

— Кто там?

А мне ответит милый, смущенный голос:

— Извини, это я — Борис. Я принес тебе то, что обещал...

И в щелочку двери просунет афишу-плакат фильма «Ленин в 1918 году» с трогательной памятной надписью. А время позднее — второй час ночи, и он извиняется бесконечно и убегает... В самом деле, он обещал мне подарить этот плакат... И, несмотря на поздний час, на усталость после съемочной смены, принес его в тот же день.

В этом — весь Борис Щукин, удивительный, простой, милый, мужественный... Вахтанговский. Незабываемый.